

И. Н. Лукьяненко

**ЗАГЛАВИЕ РОМАНА А. С. ПУШКИНА
«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»
КАК ТЕКСТОВАЯ ДОМИНАНТА**

37

Атрибутивное сочетание «капитанская дочка» является обязательным и неотъемлемым компонентом семантического пространства романа А. С. Пушкина. Вынесенное в позицию заголовочного слова, оно функционирует в качестве ключевого знака произведения, позволяя интерпретировать его глубинные смыслы. В статье устанавливается, что, в отличие от других номинаций, таких как Маша, Марья Ивановна Миронова, являющихся более частотными лексико-грамматическими единицами текста, «капитанская дочка» эксплицирует представление не только о самой главной героине, но и об ее отце – капитане Миронове, «незаметном герое» истории, воплощающем высочайшие нравственные качества – доброту и честность. Таким образом, «капитанская дочка» выполняет в романе роль текстовой доминанты, в концентрированном виде отражая его содержание.

This article considers the functional significance of the attributive combination 'captain's daughter' as an essential and integral component of the semantic space of Alexander Pushkin's novel. Placed in the title, it functions as the key sign of the work of fiction since it makes it possible to interpret implied meanings. Unlike the other, more frequent, lexical and grammatical units used as nominations in the text ('Masha', 'Marya Ivanovna Mironova'), 'captain's daughter' explicates the image of both the main character and her father – captain Mironov. An 'invisible hero' in history, he is a man of high moral qualities: kindness and candour. Therefore, 'captain's daughter' fulfils the role of the textual dominant and presents the essence of the novel.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстовая доминанта, ключевой знак, национально-культурные коннотации.

Keywords: text linguistics, text dominant, key sign, national-cultural connotations.

Рассмотрение художественного текста как сложной и многоуровневой семантической структуры обуславливает множественность подходов к его изучению и интерпретации. При анализе с лингвистических позиций исследователи выделяют в тексте некий набор «ключевых знаков», которые с максимальным эффектом участвуют в формировании смысла. Р. Якобсон для обозначения подобных знаков ввел понятие текстовой доминанты, которая как «фокусирующий компонент произведения искусства... управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их», «обеспечивает целостность структуры» [12, с. 119]. В связи с вышесказанным особенно важным становится «избирательный

анализ речевых доминант, вырисовывающий главные идейно-эстетические контуры текста и его образной структуры» [6, с. 31]. Доминирующие средства, как правило, актуализируют текстовую семантику, находясь в «сильных текстовых позициях — позициях заглавия и эпиграфа», кроме того, они связаны «с высокой частотой употребления» и характеризуется «нестандартным употреблением языковых единиц» [2, с. 327].

Исключительную роль в понимании текста, установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия играет заглавие. Сказанное объясняет наш интерес к словосочетанию *капитанская дочка*, вынесенному в сильную позицию романа А. С. Пушкина — в его заглавие.

38

Данное название неоднократно становилось предметом научного анализа в исследованиях по преимуществу литературоведческого характера. Их лейтмотивом является тезис о том, что выбор заголовка не имеет очевидного объяснения: «...можно только гадать о причинах, в силу которых Пушкин не связал своего романа с именами Пугачева и Гринева, хотя эти его персонажи имели преимущественные права на выдвигание их в заголовке» [7, с. 166]. Показательно в этом смысле утверждение В. В. Шапошниковой «о главной в чем-то (курсив наш. — И. Л.) роли Маши Мироновой в повести» [11]. О. Я. Поволоцкая объясняет выдвигание на первый план образа Маши тем, что «все остальные герои романа совершают свой нравственный выбор, действуют, — и от их выбора зависит судьба и жизнь капитанской дочки» [8, с. 167–168]. Н. К. Гей, размышляя над центральной сюжетной ролью Маши, пишет: «Об образе “капитанской дочки” исследователи вообще избегают говорить, хотя без него не существовало бы сюжетно-конфликтных линий произведения и, следовательно, событийно-персонажных коллизий» [4, с. 207]. Похожую точку зрения высказывает Т. П. Баталова: «Образ Капитанской дочки связывает сюжетные линии всех героев произведения. Маша Миронова становится центром ряда коллизий — поединка Гринева со Швабриным, возвращения Петра Андреича в захваченную пугачевцами Белогорскую крепость, а следовательно, и его ареста. Благодаря этому происходит движение сюжета» [2, с. 123].

Не оспаривая правомерность приведенных утверждений, все же заметим, что роман не называется «Маша Миронова» или «Марья Ивановна Миронова», хотя эти номинации героини наиболее частотны в тексте. Так, *Марья Ивановна* употребляется в романе 65 раз, *Маша* — 31 раз; итого 96 словоупотреблений. В то же время номинации, семантически связанные с заголовочным словосочетанием, встречаются в общей сложности 11 раз: *капитанская дочка* — 4 словоупотребления (включая название), *капитанская дочь* — 2, *дочь капитана Миронова* — 5. Сравнение показывает, что главная роль Маши Мироновой детерминирована не столько личностью самой девушки «лет осмнадцати, круглолицей, румяной, со светло-русскими волосами, гладко зачесанными за уши» [9, с. 246], сколько тем, что она дочь капитана Миронова. И следовательно, значимой фигурой в формировании концептуального смысла произведения является Иван Кузьмич Миронов.

В рамках нашего исследования заметим, что представление об этом герое романа эксплицируется не только посредством его имени и отчества, но и лексемами *комендант* и *капитан*. Статистика показывает, что группа родственных лексем с вершиной *комендант* в тексте романа более частотна: *комендант* употребляется 48 раз, *комендантшиа* — 16, *комендантский* (дом, семейство) — 12, что в итоге составляет 76 словоупотреблений. Группа лексем с вершиной *капитан* включает 26 номинаций: *капитан* — 13 словоупотреблений (в том числе в составе словосочетания *дочь капитана Миронова* — 5), *капитаншиа* — 7, *капитанская* (дочь / дочка) — 6. Другими словами, текстовые компоненты с ядром *капитан* получают особую нагрузку, их ключевое положение определяется силой оценки и концентрацией потенциального смысла (например, сама Маша говорит о себе как о дочери капитана Миронова). К слову сказать, номинация *дочь коменданта* (Белогорской крепости) также встречается в тексте, но только единожды.

Обратимся к словарным дефинициям. Лексема *комендант* толкуется В. И. Далем следующим образом: «КОМЕНДАНТ, комендор и пр. см. командовать». В свою очередь, глагол *командовать* означает «повелевать, держать под своею властью, под рукою; начальствовать, управлять, заведовать» [14]. Это определение корреспондирует с данными современных толковых словарей: «комендант — начальник войск крепости или укрепленного района» [13]. Можно сделать вывод о том, что комендант отвечает за боевую готовность, дисциплину, морально-психологическое состояние войска, организует гарнизонную службу. Иными словами, комендант — это (командная) должность, формальная позиция в институциональной иерархии.

Лексема *капитан* в «Толковом словаре» В. И. Даля дефинируется как «старший обер-офицер, военный чин 9 класса, сравненный с титулярным советником» [14]. В современном русском языке капитан — это «офицерское звание или чин, а также лицо, имеющее это звание или носящее этот чин» [13]¹. Согласно Викисловарю, воинское звание присваивается персонально каждому гражданину, проходящему военную службу, с учетом его личных заслуг (ср.: звание как одна из форм признания заслуг в области какой-нибудь деятельности).

Рассмотрим конкретные контексты употребления обеих лексем. Лексема *комендант* употребляется по отношению к Ивану Кузьмичу Миронову как начальнику Белогорской крепости. Значительная часть контекстов содержится в главе III, которая так и называется — «Крепость». Старый воин, сорок лет отдавший службе, побывавший «под штыками прусскими и пулями турецкими» [9, с. 275], за все эти годы добра и богатства не наживший, по сути, отправлен в почетную отстав-

¹ В. В. Шапошникова выдвигает предположение, что выбор для Миронова капитанского чина имел для поэта «личную», «лирическую» окраску: «Дело в том, что чин самого Пушкина соответствовал званию капитана в пехоте: 6 декабря 1831 г. он стал титулярным советником и по Табели о рангах был приравнен к воинскому званию капитана» [11].

ку. Двадцать два года служит он на границе киргиз-кайсацких степей, пытаясь наладить гарнизонную службу во вверенной его попечению «богоспасаемой» крепости: «У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к *коменданту*, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви» [9, с. 244]. Гарнизон его представляет унылое зрелище: «Подходя к *комендантскому* дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял *комендант*, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате» [9, с. 246]. Иван Кузьмич занимается подготовкой солдат: «*Комендант* по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста» [9, с. 249]. Комендант следит за дисциплиной, в этом отношении показательна глава IV «Поединок», повествующая о дуэли Гринева и Швабрина. Иван Игнатич, приглашенный в секунданты, спешит сообщить о дуэли коменданту, а тот провозглашает: «Поединки формально запрещены в воинском артикуле» [9, с. 253]. Следующая группа контекстов реализации лексемы *комендант* отражена в главе VI «Пугачевщина» (эпизоды защиты крепости от пугачевского войска): «Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. *Комендант* расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной» [9, с. 271]. Особенно важны сцены, непосредственно связанные с оборотной крепости: «“Теперь стойте крепко, — сказал *комендант*, — будет приступ...” В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. *Комендант* подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую средину толпы» [9, с. 273]².

Следует обратить внимание на то, что лексема *комендант* встречается в так называемой «объективной» речи³, в то время как лексема *капитан* помещается в личностно-ориентированные текстовые фрагменты, вслед-

² И. В. Марусова полагает: «Осада Белогорской крепости — существенный для фабулы романа эпизод, в котором скрыты размышления о судьбах человека в кризисной ситуации. <...> В содержании одной главы заключены мысли о переменчивости судеб, роли случайности в жизни человека; открывается подлинная сущность людей, лишившихся на пороге жизни и смерти привычной социальной маски» [5, с. 9].

³ Заметим, что данная характеристика авторского присутствия в этом романе носит условный характер. Мы солидарны с точкой зрения тех ученых, которые утверждают, что авторский текст не существует в «Капитанской дочке» в самостоятельном виде, а подается через «посредников-повествователей», через «персонажное присутствие», в частности доверяется Гриневу-мемуаристу (см. подробнее: [4, с. 199]).

ствие чего маркируется повышенными эмоционально-экспрессивными коннотациями. Например, Андрей Карлович Р., оренбургский генерал, говорит Гриневу: «Ты будешь офицером переведен в *** полк... где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине» [9, с. 243]; по прибытии в крепость Гринева сообщает Василисе Егоровне, что «приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану» [9, с. 244]. В зоне ближайшего окружения существительного *капитан* отмечены лексемы *добрый, честный, настоящая служба, дисциплина, долг*, репрезентирующие сложный семантический комплекс, релевантный для рассматриваемого персонажа. Его доброта и честность как ведущие личностные качества находятся в сильной текстовой позиции. Он добр и незлобив не только по отношению к своим домашним (любит дочь и жену, иногда, правда, позволяя ей помыкать собой), но и к «солдатушкам»; снисходителен к Швабрину, привечает Гринева: «комендант... сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать» [9, с. 246], «незаметным образом я привязался к доброму семейству» [9, с. 248]. С другой стороны, совершенно очевидно, что он способен быть храбрым и оставаться верным долгу и присяге. Понимая неизбежность столкновения с бунтовщиками, он апеллирует к воинскому долгу: «Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. <...> Пушкику осмотреть да хорошенько вычистить» [9, с. 263]. Кроме того, ему присущи стойкость духа и пренебрежение к смерти: «Умирать так умирать: дело служивое!» [9, с. 273].

Самая развернутая характеристика капитана Миронова принадлежит Гриневу: «Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый...» [9, с. 248], в составе которой обнаруживаются лексико-грамматические средства, концентрирующие глубинное содержание значительной части текста, непосредственно связанной с эпиграфом: «Береги честь смолоду». По В. И. Далю, честный — «в ком есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда; человек прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять» [14]. В свою очередь, честь — «это внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [13]. Как можно заметить, понятие «честь» формулируется в нравственных категориях, оно соотносится с моральными качествами и принципами личности, достойными уважения. Если человек с честью выходит из затруднительного положения или с честью выполняет свое дело, то он поступает достойно, сохраняя свое и чужое достоинство.

Капитан Миронов следует кодексу офицерской чести до конца своей жизни: «Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: “Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!” Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице» [9, с. 274].

Указанные семантические компоненты многократно поддерживаются в романе: «“Ты нам не государь”, — отвечал Иван Игнатич, повторяя слова своего капитана...» [9, с. 274]. Василиса Егоровна, разделившая с мужем трагическую участь, не раз названная в тексте капитаншей, постулирует: «Вместе жить, вместе и умирать» [9, с. 269]. Кроме того, в семантический комплекс, организованный рассматриваемым сочетанием, вовлекаются также близкие в смысловом отношении речевые модели: *дочь Ивана Миронова, дочь человека, пострадавшего за свою верность, дочь Миронова, дочь заслуженного воина, погибшего за отечество*. И наконец, Маша Миронова потому и именуется *дочь капитана, капитанская дочь, капитанская дочка*, что руководствуется нравственными принципами своего отца — капитана Миронова. Представляется очевидной установленная закономерность: номинации *капитанская дочь, капитанская дочка* рассеяны по всему тексту, а словосочетание *дочь капитана* сосредоточено во второй половине романа и по сюжету следуют за эпизодом гибели капитана Миронова⁴.

Завершая исследование, заметим, что финальный абзац романа содержит предложение, которое отсылает к его заглавию, композиционно завершая и закольцовывая текст: «Оно [письмо] писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова» [9, с. 322].

Остается уточнить, почему из двух параллельных синтаксических моделей А. С. Пушкин вводит в сильную позицию заглавия романа атрибутивную конструкцию, придавая ей ударное значение текстовой доминанты. Представляется, что это не случайный выбор. Сравнение показывает, что в словосочетании *дочь капитана* родительный приименный падеж выражает субъектное отношение, осложненное определительным. Другими словами, определительное значение реализуется как частный вариант, способный передавать значение родственной принадлежности. В словосочетании *капитанская дочка* определительное значение прилагательного является центральным: в современном русском языке с относительными прилагательными с суффиксом *-ск-* «по преимуществу связывается значение отношения, свойственности кому-нибудь, чему-нибудь», поскольку они «имеют общее значение “относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом”»: *отцовский, преподавательский, плотницкий, морской, университетский, крейсерский, арифметический*» [10, § 630]. Вместе с тем, как утверждает современная грамматика, «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качества», поэтому «при малейшей возможности качественного осмысления основы при-

⁴ Гринев называет Машу дочерью капитана Миронова, когда обращается к генералу с просьбой вывезти ее из захваченной Пугачевым крепости, очевидно апеллируя к подвигу ее отца. «Дочь капитана Миронова», — говорит о себе Маша, обращаясь к Екатерине II, и императрица ей вторит: «Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей? <...> ...Но я в долгу перед дочерью капитана Миронова» [9, с. 319–321].

лагательные этого типа широко развивают качественные значения» [10, § 6]. Поэтому с семантической точки зрения прилагательное *капитанская* в особых контекстных условиях способно означать качественную, оценочную характеристику опорного существительного.

В русской литературе «капитанская» тема занимает важное место, на это в свое время обратил внимание Ю. Айхенвальд: «Капитан Миронов, родственник не только чином, но и духом штабс-капитану Максиму Максимычу и капитану Тушину, в законченности и цельности своего мирозерцания лучше всех воплощает это скромное величие, этот высший героизм простоты» [1].

Таким образом, *капитанская дочка* существует в тексте как сложный, поливалентный знак, функционирование которого определяется смысловой компрессией, а «сам процесс интерпретации текста читателем связан... с осознанным или неосознанным осмыслением и внешней, словесной стороны текста — лексической, грамматической и стилистической» [2, с. 11].

Совершенно очевидно, что в таком случае название пушкинского романа следует признать текстовой доминантой, наиболее значимой для формирования концептуального смысла романа.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю.И. Пушкин. 2-е изд. М., 1916. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/aihenv_pushkin.html (дата обращения: 07.07.2019).
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., 2004.
3. Баталова Т.П. «Капитанская дочка» А.С.Пушкина: семантика заглавия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. №3. С. 120–124.
4. Гей Н.К. Пушкин-прозаик: Жизнь — Творчество — Произведение. М., 2008.
5. Марусова И.В. Проблемы поэтики романа А.С.Пушкина «Капитанская дочка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007.
6. Новиков Л.А. Язык и художественное познание: Методологические заметки об эстетическом освещении действительности // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1988. С. 4–40.
7. Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Л., 1984. С. 145–199.
8. Поволоцкая О.Я. О смысле названия «Капитанская дочка» // Московский пушкинист. М., 1999. Вып. 6. С. 166–177.
9. Пушкин А.С. Романы и повести. Волгоград, 1980.
10. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
11. Шапошникова В.В. Еще раз о заглавии «Капитанской дочки» // Пушкинская комиссия : [сайт]. URL: <http://www.pushkinopen.ru/texts/view/69> (дата обращения: 07.07.2019).
12. Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.

Об авторе

Ирина Николаевна Лукьяненко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ILukyanenko@kantiana.ru

The author

Dr Irina N. Lukyanenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ILukyanenko@kantiana.ru